

Как отразилась
эта тема в трех
спектаклях

"Международной
Прибалтийской
театральной
весны-91".

От перестановки слагаемых
сумма меняется. Да еще как!

20 лет назад Вольдемар Пансо поставил в Молодежном театре спектакль по III тому "Правды и справедливости" А. Х. Таммсааре. Постановка называлась "Человек и революция", и в ней говорилось о пафосе и трагизме революционных событий 1905 года в Эстонии, о месте человека в революционном процессе. Финалом "Международной Прибалтийской театральной весны-91" стал спектакль Молодежного театра по III тому "Правды и справедливости" Таммсааре - только под другим названием: "Вольность - дар бесценный. Светлый дар небес", диалогия Мати Унта общей продолжительностью почти в пять часов, разво-
- Большой и Малой. На Большой - широкий мир, хаос и гиньоль кровавых событий 1905 года и люди, брошенные в водоворот этих событий; на Малой - мир сужается до размеров хутора Варгамяэ, но и здесь, в пространстве родного дома, нет защиты от бушующей снаружи стихии. Вторая часть - подведение итогов, философия человеческого существования, поиск смысла жизни. Тема ее может быть сформулирована, как у Пансо, только в другом спектакле: "Человек и Бог". Первая часть, которая, при том, что состоит из трех актов и идет примерно три с половиной часа, смотрится на едином дыхании, могла бы называться "Революция и человек".

Такие могли бы называться еще два фестивальных спектакля: "Тутэйшыя" Янки Купалы, поставленный в Белорусском Государственном академическом драматическом театре Николаем Пинигиным, и "Марат" Петера Вайса, привезенный шведскоязычным театром из Финляндии "Вийрус".

"Революция и человек" - это совсем не то, что "Человек и революция". У человека не спрашивают, какое место он хотел бы занимать в революционном процессе, да и хотел ли вообще его занимать или нет. Романтическое представление о революции, которое на Западе выветрилось уже давно, а у нас пока еще только начинает выветриваться, уступает место трезвому пониманию того, что революция - это не приятное хождение по свежему воздуху с лозунгами и знаменами, не разумный и гуманный акт восстановления социальной справедливости, а стихия -

неизбежная, неотвратимая и всегда враждебная человеческой личности. Ибо не считается с ней. В революции действуют законы больших чисел, ей не до отдельного человека.

Эффектнее всех, но и проще всех раскрывает эту тему молодой режиссер театра "Вийрус" Арн-Хенрик Бломквист. Уже сама пьеса Петера Вайса заключает в себе великолепные возможности. О жизни и смерти вождя Французской революции Жана-Поля Марата рассказывает любительская труппа сумасшедшего дома в Шарантоне под художественным руководством маркиза де Сада. (Того самого, от которого пошел садизм.) Поводов как

много выше по классу. В них - жгучая современность мироощущения. И Мати Унт, и Николай Пинигин поднимаются над мелочной ангажированностью "политического" искусства, над заикливостью на "национальной идее". Не знаю, пробовал ли кто сопоставлять "Тутэйшых" с политическим театром. В Эстонии рецензент "Ээсти экспресс" Ю. Маттеус почему-то принял "Вольность - дар бесценный" за политический театр, не поняв, что для политического театра обязательно стремление выяснить, какая из сторон - в революции, в гражданской войне и т. д. - права. Между тем, ко всем

Молодежь Эстонии. Таммсааре. - 1991. - 2-й акт

РЕВОЛЮЦИЯ И ЧЕЛОВЕК

для серьезного раздумья о насилии революционного террора и насилии изощренного индивидуализма, так и для очаровательного интеллектуального хулиганства - сколько угодно. Молодому театру (половина исполнителей - студенты театрального училища) ближе второе. Маркиз де Сад вообще интересует режиссера постольку-поскольку. Это спектакль о саморазрушающей природе насилия, которое неизбежно влечет за собой новое насилие. И так до бесконечности.

Если отвлечься от того бесприморного впечатления, которое производит театральное представление в нетеатральном пространстве (в Таллинне его играли в Кадриорге, в помещении крытого катка), и от героического терпения исполнителя роли Марата Матса Лонгбакка, просящегося, два с лишним часа в ванне, при том, что за стенами катка температура чуть выше нуля, а в помещении, возможно, даже ниже. В памяти останутся отличная пластическая культура актера, умение режиссера создавать на игровой площадке хорошо организованный хаос и трагическая Шарлотта Корде Марики Парккомьяки.

Белорусский и эстонский спектакли, несомненно, на-

этим конфликтам нужно относиться с мудрым превосходством героини пушкинской "Капитанской дочки": "Разберись, кто прав, кто виноват, да обоих и накажи!" Виноваты обе стороны. Прав "маленький человек", "рядовой человек", одним словом, человек, который пытается заявить: "Оставьте ваши игры, я в них не играю". Но так он оказывается виноват перед обеими сторонами.

В спектакле Мати Унта бесовщина революции воплощена в образе Креэзуса (великолепная работа Андруса Варрика, сыгравшего политического шарлатана и проходимца экстракласса), а грубое насилие - в образе Аттилы (Юри Аарма). Здесь ирония Унта убийственна и сконцентрирована. Совершенно иной его ирония становится тогда, когда на сцене появляются простые люди: поэт Вильясоо (Гуйдо Кангур), Быстрый (Калью Орро), Кристи (Мария Авдюшко) и другие. Режиссер и актеры не боятся показать их смешными, так как именно в каких-то смешных, возможно, нелепых чертах этих людей раскрывается неповторимое. В трагические ситуации они входят, оставаясь такими же смешными, как были: эпоха не разбирается в жанрах, трагедия в ней заме-

шана на фарсе.

Жестокость эпохи революции и гражданской войны, ее отношение к отдельному человеку, как к кукле, которой можно играть, как угодно, просматриваются в форме, избранной белорусским режиссером Николаем Пинигиным. "Тутэйшыя" сделаны в духе б а т л е й к и, белорусского фольклорного кукольного театра; двухъярусные игровые площадки-вертепы (один из них оформлен под православный храм, другой - под католический) не просто впечатляюще исполнены. Они, помимо всего прочего, еще и н е о б х о д и м ы в спектакле.

Я подчеркиваю это, так как в виденных ранее постановках Белорусского академического театра им. Я. Купалы блистательный сценограф Борис Герлован слишком часто теснил режиссера (обычно - Валерия Раевского); просторное решение спектакля оказывалось куда интереснее режиссуры; казалось, художник подсказывает, но постановщик не слышит его подсказки. В "Тутэйшых" не так, здесь режиссерский замысел, сценография и игра большинства актеров сливаются в гармоническое единство. Бесконечная смена властей: то немцы, то крас-

ные, то поляки, то опять красные, утомительная в своей подробности, - это кукольный театр эпохи. Всех носителей власти играет один актер (В. Кин-Каминский), власти, в принципе, отличаются друг от друга только деталями, нормальному человеку они враждебны все без исключения.

Главный герой спектакля Микита Зносак (Виктор Манаев) - "маленький человек", пытающийся любой ценой выжить в эпоху великих потрясений. Конформист, приспособленец. В конце концов, он запутывается в собственных трактовках "политического момента" и идет под расстрел. В эпоху создания пьесы (1922, запрещена в 1926 году) идейно выдержанный советский зритель, наверно, пожал бы плечами и сказал: "Так ему и надо! Собака - собачья смерть". В 20-е и в начале 30-х годов "маленького человека" принято было шпынять, клеймить мешанином... Шпынял своего Гузку в "Блаженном

острове" Микола Кулиш, шпынял своего Подсекальникова в "Самоубийце" Николай Эрдман. Казалось бы, эти пьесы разделяли революционный пафос господствующей идеологии. Оттого же она, эта самая идеология, запрещала и Купалу, и Эрдмана, и Кулиша? А оттого, что они своим художническим зрением обнаживали характерные черты идеологии, составляющие самую суть ее характера, и вылезала наружу антигуманность, которую, с прищелом на будущее, хотелось бы скрыть.

Виктор Манаев играет своего Зносака с такой волшебной легкостью и с таким плутовским простодушием, что чуть ли не с самого начала спектакля у зрителя возникают чувства, которые автор в 1922 году вряд ли программировал. Ужасно жалко этого человечка и ужасно хочется, чтобы он уцелел. А форма батлейки подсказывает: да он же Петрушка, этот самый Зносак, герой кукольного театра, который и от тех ушел, и от этих ушел, но вот явилась Смерть, взмахнула косой - и конец Петрушке! А за ним в отверзуюся на сцене яму отправляются и другие. Совсем уж невинные. Жесткий и впечатляющий финал. Революция решает свой конфликт с человеком доступным ей способом.

Борис ТУХ.

На снимках: Аттила - Ю. Аарма и Старый барон - А. Роо в спектакле "Вольность - дар бесценный".

Фото Харри РОСПУ. Зносак - В. Манаев в спектакле "Тутэйшыя".

Фото Георгия МАЛЯВСКОГО.